

*Я радуюсь тому, что просто жив,
что не исчез – хотя безмерно грешен,
что путь продолжил, крылья не сложив,
и – на прекрасной женщине помешан;
и что мой голос горек, да не лжив –
как сок берёз, как трели из скворешен...
А если сердце бьётся на разрыв,
так что же? – в мой последний миг утешен
тем буду я, что не сдалось оно,
когда тащила жизнь меня на дно,
любить и ликовать не отучилось...*

*Я – радуюсь, хоть в радости моей –
колючий привкус окаянных дней.
...Но и его приму как Божью милость.*

Это стихотворение – «Апрельский сонет» - Станислав Золотцев написал в 2004 году и тогда же впервые прочёл его, ещё нигде не опубликованное, на юбилейном концерте автора этих строк; машинописный оригинал этого сонета Станислав Александрович после прочтения вручил мне...

Многое запомнилось мне из наших с ним многочисленных встреч, бесед, совместных поездок и долгих ночных телефонных разговоров: Золотцев, находясь в Пскове, обычно звонил сразу после полуночи, когда его глаза, утомлённые работой, требовали перерыва, а мои начинали слезиться от мерцания монитора старенького компьютера. Говорили подолгу и о многом – обычно о литературе, ибо именно литература сначала познакомила нас, а потом и крепко подружила. Признаться: наши полуночные беседы дали мне немало тем для размышлений и работы.

В декабре 2007-го я попал в больницу, причём привезли меня туда в крайне тяжёлом состоянии. На третьи сутки моего пребывания на больничной койке под непрерывными капельницами, как всегда после полуночи, когда мои соседи по палате уже давно спали, на тумбочке завершал мобильный телефон. Я, помнится, сразу догадался, кто звонит, потому что в такое время звонить мне мог только один человек на всём белом свете. И это действительно был Золотцев, звонивший из Твери, где он в те предновогодние дни читал лекции в тамошнем университете.

- Ты там что, помирать собрался?! – кричал в трубку Станислав Александрович. – Ты это дело брось: мы с тобой ещё в Буковку¹ не съездили! Помнишь, что обещал меня туда свозить?

Проговорили мы тогда недолго; я пообещал Станиславу Александровичу выкарабкаться и следующим летом обязательно свозить его в Буковку. Но обещание своё мне довелось выполнить лишь в первой его части...

Потом, уже во второй половине января 2008-го, когда готовился ежегодный вечер памяти псковских литераторов, который должен был вести Золотцев, ночью раздался звонок.

- Слушай, Александр Петрович: я тут уточняю список наших ушедших товарищей, о коих надо будет говорить на вечере. У нас ведь последним умер Калкин?

- Да, Олег Андреевич Калкин... Так вы успеете приехать, Станислав Александрович?

- Обязательно! Обязательно приеду: а как же?

Вечер памяти состоялся 21 февраля в филиале городского культурного центра, что на Рижском, 64, где так любил бывать Золотцев. Но самого Станислава Александровича на нём не было. Вернее сказать, был - последним в скорбном списке...

Когда уходит такой человек, испытываешь шок, сначала - от растерянности, от невероятности случившегося, потом – от боли. Скажу, не преувеличивая: у меня после звонка Игоря Смолькина, сообщившего мне эту страшную новость, было такое чувство, будто я вдруг осиротел – в одночасье и навсегда. И только гораздо позже я понял, что, скорее всего, именно это со мной и случилось: редактором второй моей книги был тоже Станислав Александрович, и он очень ждал рукопись третьей.

- Надеюсь, что к моему возвращению в Псков ты её закончишь, - говорил он мне по телефону, когда звонил из Москвы.

¹ Буковка – выдуманное название реально существующей деревеньки, место действия повестей и рассказов моей книги «Пройти полмира...», редактором которой был С.А. Золотцев. (Авт.)

Книгу к концу января я закончил, но прочесть её Золотцеву было уже не суждено...

Город достойно проводил в последний путь достойного человека – своего уроженца, гражданина, патриота, заступника, поэта, написавшего слова официального «Гимна Пскова». Хотя правильнее будет написать эти, по праву заслуженные Станиславом Александровичем Золотцевым эпитеты так: Гражданин, Патриот, Поэт. Ибо Золотцев действительно был Гражданином и Патриотом своего города, своей Великой страны, был Поэтом, не только воспевающим её красоту и неповторимость, славу и непреходящее могущество России, но и болезненно-остро переживавшим все беды и неурядицы, происходившие и поныне происходящие с нашей Родиной. И не только словом, но порой и на деле участвуя в случившихся в России драматических событиях – например, защищая на баррикадах Белый Дом. Уверен, что таким бы Золотцев и оставался, если бы ни то, что произошло 4 февраля 2008-го.

«...мой голос горек, да не лжив» –

писал Станислав Александрович в «Апрельском сонете». И это правда: мне крайне редко доводилось встречать людей подобной честности и порядочности, часто, когда это действительно было необходимо, – бескомпромиссных, принципиально не желающих идти на сделку с совестью – хотя для этого, как может многим показаться – и казалось! – всего и надо-то было – просто промолчать, сделав вид, что не заметил несправедливости, воинствующего хамства, подлости, бесчестного поступка... Золотцев – не молчал. Никогда. Он писал и говорил то, что думал, что было у него в душе и на сердце.

«А если сердце бьётся на разрыв...»-

Так оно и билось, его сердце – на разрыв. Потому и не выдержало...

Наверное, навсегда, на всю оставшуюся жизнь запомнится мне и ещё один день, половину из которого мне довелось провести рядом с Золотцевым. Это был день похорон замечательного писателя, выдающегося журналиста, удивительного человека Олега Андреевича Калкина, скоропостижно скончавшегося 19 февраля 2007-го. В любятовской церкви Святителя Николая отпевал Олега Андреевича отец Владимир, Валентин Яковлевич Курбатов читал над гробом покойного «Апостол». Людей в небольшой церкви было много, все стояли почти плечом к плечу. Золотцев чуть припоздал – вошёл с мороза раскрасневшийся, весь какой-то взъерошенный; пробившись к изголовью гроба, он долго всматривался в лицо Олега Андреевича, и взгляд его был растерянным и печальным... Потом, в Орлецах, после окончания церемонии похорон, мы с Золотцевым не поехали на поминки – это было бы уже выше наших сил, – а отправились на могилы моей матери и его родителей. С трудом пробившись по глубоком снегу к могиле моей мамы, поклонились ей, постояли несколько минут, перекрестились, затем вернулись на центральную кладбищенскую аллею и отправились дальше, к могилам родителей Станислава Александровича.

- Извини, Александр Петрович: я хочу немного побыть один, – тихо сказал Золотцев спустя минуту после нашего туда прихода.

Я отошёл на аллею, а Золотцев, прислонившись к росшей у могил берёзе, что-то с минуту шептал – то ли молился над могилами, то ли обращался к белоствольной красавице, печально опустившей вниз заиндевевшие от крепкого мороза ветви, с какими-то никому, кроме неё, неведомыми признаниями... И я тогда почему-то вдруг подумал, что это наше с Золотцевым посещение родительских могил запомнится мне на всю оставшуюся жизнь; подумал так, даже не предполагая, что не пройдёт и года, как к подножию той берёзы опустят гроб с телом моего старшего товарища и друга...

...Предисловие к своей книге, которое не успел написать Станислав Александрович, я написал сам. Но оно – не о книге, а о нём, её редакторе.

И пока это всё, что я смог сделать в память об этом удивительном человеке...

Александр Казаков